
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ НАРОДА САХА И «ПРОРЫВ» В ИНФОРМАЦИОННЫЙ СОЦИУМ

И.И. Подойницына

Кафедра социологии и управления персоналом
Финансово-экономический институт
Северо-Восточный Федеральный университет им. М.К. Аммосова
пр. Ленина, 1, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677000

В представленной статье автор рассматривает концепцию этнокультурного разделения труда в теоретико-методологическом плане, делая ссылки на теорию этносов Л.Н. Гумилева. Этнокультурное разделение труда в Якутии рассматривается также с точки зрения историко-социологического подхода, анализируются данные масштабного социологического опроса в 16 районах Республики Саха (Якутия), проведенного в октябре 2011 г. Автор показывает, какими высокими темпами идет процесс информатизации республики.

Ключевые слова: адаптация социальная, гомеостаз, информационное общество, престиж, разделение труда, традиционное общество, этническая группа, этногенез.

Изучение социальных аспектов функционирования этнических групп, их идентичностей, «наложения» этнических и социальных характеристик в поведении как отдельного индивида, так и определенной социальной группы составляют предметную область этносоциологии как гуманитарной субдисциплины. Российские этносоциологи активно проводят эмпирические исследования, начиная с 60-х гг. XX в., затрагивая вопросы миграции населения в этносоциологическом аспекте («переселение народов»), освоение культурных ценностей представителями различных этнических групп, особенности формирования этнического самосознания.

Но есть тема в этносоциологии, скорее *«проблемная зона»*, которая освещается исследователями не столь продуктивно, как вышеназванные, хотя и является весьма важной. Это *формирование социально-профессиональной структуры населения регионов России в привязке к этническому фактору данного региона*. Иными словами — социально-профессиональный выбор представителей различных этнических групп. В представленной ниже статье автор предложит свой вариант взгляда на развитие *этнокультурного разделения труда* в Республике Саха (Якутия), одного из самых больших по территории и многонациональных регионов России. Кроме того, будет проанализирована проблема построения информационного общества в РС (Я). Используются сравнительно-исторический метод, математико-статистический анализ данных масштабного эмпирического опроса, метод построения интерпретативных моделей, описывающих разделение труда у народа саха.

Изучение социальной структуры и мобильности наций имеет первостепенное значение для понимания их эволюции [3. С. 104—120]. Необходимо разрабатывать такие аспекты, как «вписанность» отдельных наций в социальную структуру, изучать особенности процессов классообразования у различных народов, экономические основы социальной структуры наций.

В Республике Саха (Якутия) аспекты занятости саха и русских — двух самых крупных этносов, совместно проживающих на территории республики — различными видами труда всегда находились в фокусе исследовательского поиска. Пик интереса к этой проблематике приходится на постперестроечный период, то есть на 90-е гг. XX в. В научных работах якутских социологов — И.А. Аргунова, Э.Т. Мьярияновой, Р.А. Кузьминой, В.Б. Игнатъевой, И.И. Подойницыной и других — затрагиваются следующие вопросы: трансформация традиционных занятий народов Якутии по сравнению с советским периодом истории; промышленное развитие региона и его влияние на экологию; профессиональный выбор коренного населения.

Так, в этностатистическом исследовании В.Б. Игнатъевой «Национальный состав населения Якутии» на основе выборки материалов переписей 1959 и 1989 г. были высчитаны так называемые «индексы участия» якутов (саха) и русских в отдельных отраслях народного хозяйства Якутии. В 1959 г. индекс участия якутов в промышленности, строительстве, транспорте, связи составлял 0,3; русских — 1,5. В 1989 г. индекс участия якутов в тех же видах труда остался на прежнем уровне — 0,3; у русских изменился незначительно — 1,1. Индекс участия якутов в сельском и лесном хозяйстве в 1959 г. характеризовался цифрой 1,6; русских — 0,6. В 1989 г. участие якутов в сельском и лесном хозяйстве стало намного больше — 2,6; у русских, напротив, понизилось — 0,2. В народном образовании занятость якутов внушительна, чему соответствует индекс 1,2; у русских — 0,9. В 1989 г. соответствующий индекс у якутов равнялся цифре 2,0; у русских — 0,6. Автор монографии делает вывод: «В настоящее время, как и тридцать лет назад, ситуация в сферах приложения труда осталась неизменной. Для подавляющего большинства самодеятельного населения коренных народов республики традиционные виды труда продолжали занимать ведущие позиции среди всех занятий. Также оставался низким их удельный вес в отраслях материального производства, например, в промышленности, строительстве, транспорте и связи. Похоже, что такая этническая диспропорция в разделении труда останется „традиционной“ еще долгое время» [8. С. 99—100].

Далее В.Б. Игнатъева пытается объяснить сложившуюся на конец 80-х гг. XX в. ситуацию отраслевой занятости в Якутии следующими моментами: во-первых, выработанной у саха в течение столетий привычкой к определенному хозяйственному укладу; во-вторых, сложностями социальной адаптации саха к новым видам труда, необходимостью преодоления противоречий между характером традиционных видов занятий и характером новых видов трудовой деятельности.

Согласимся с вышепредставленными выводами частично. Действительно, саха как оседлый этнос, гомеостаз которого протекал в кормящем ландшафте Севера на берегах реки Лены, закрепились на данной территории и выжили благодаря таким профессиональным занятиям, как скотоводство, охота, рыболовство, и достаточно долго стремились сохранить тесную духовную связь с сельской местностью и природой. Но такая ситуация была характерна в основном для дореволюционной Якутской области, которая была «медвежьим углом» России.

Интересно, что о профессиональных занятиях саха и русских на территории северной республики писали не только местные авторы, но и зарубежные социологи. Так, канадский исследователь Д. Лесли явно осуждает процессы промышленного освоения Якутии, которые несут, на его взгляд, несомненное зло коренному населению. «Якутское население как было преимущественно сельским, так и осталось», — писал в конце 80-х гг. Д. Лесли. И еще один вывод канадского социолога: «Молодежь уже не привлекают традиционные виды деятельности, но она не нашла свою собственную нишу в современном мире» [13. С. 187].

На наш взгляд, и первый, и второй выводы сформулированы некорректно. В конце 80-х гг. значительная часть якутского населения, действительно, проживала в сельской местности. Но не стоит сбрасывать со счетов бум урбанизации у саха в этот период, связанный со строительством Малого БАМа, открытием новых промышленных и строительных предприятий. В 80-х гг. в Якутии уже рельефно проявляли себя две макротенденции: отчуждение молодежи от традиционных видов труда, с одной стороны, и активное приобщение молодых людей к новым видам профессиональной деятельности, — с другой.

О негативных последствиях индустриализации, строительства железной дороги в Южной Якутии для жизнедеятельности коренного населения РС (Я) писали еще на заре перестройки такие зарубежные ученые, как американский социолог Д. Андерсон [11] и известный профессор-этнограф из Оксфорда, занимающийся изучением Сибири, П. Витебски [14]. По их мнению, коренное население Крайнего Севера никогда не сможет освоить индустриальные профессии, так как они не соответствуют их природе — эти профессии только для «западных» наций, а саха могут работать разве что в качестве обслуживающего персонала приехавших с Большой Земли специалистов. На наш взгляд, данные публикации несут достаточно большую долю субъективизма.

Здесь проявляется еще одна, дополнительная сюжетная линия научной полемики: когда иностранные ученые пишут про Россию и для России, они ругают индустриализацию и ее влияние на некоторые народы, которые позже, чем русские, вступили на путь индустриализма. В том случае, когда иностранные ученые пишут для себя, индустриализация трактуется как одно из удачных проявлений урбанизации и как панацея от социальных бед. Возьмем, скажем, недавнюю статью вице-президента Мирового Банка (the World Bank) Дж. Лина. В ней, в частности декларируется: «Исторически, исключая всего несколько экономик, экспортирующих нефть, еще ни одной стране не удавалось стать богатой, минуя индустриализацию» [12]. Вовлеченность многих народов в процессы индустриализации поможет в выполнении одной из главных задач миллениума — «справиться с мировой нищетой хотя бы наполовину к 2015 году», говорится в цитируемой статье.

Итак, нам необходимо ответить на важный методологический вопрос: почему представители одного этноса перманентно, из поколения в поколение, делают идентичные социально-профессиональные выборы, в то время как представители другого этноса предпочитают иные профессии. Вряд ли это можно объяснить только воздействием внешних факторов (к примеру, усиленной профориентационной работой) или идеологическими моментами (навязыванием тех или иных социально-профессиональных программ, идущих «сверху»).

В данной статье в качестве теоретико-методологической основы эмпирических исследований, предметом которых является профессиональный выбор представителей различных этносов, предлагается рассматривать теорию этнокультурного разделения труда. Автор этих строк внесла определенный вклад в разработку данной теории [9].

Изложим кратко ее суть. Понятия «этнос», «этногенез» имеют скорее всего биолого-географическую основу. Об этом писали русский этнограф 20-х гг. XX в. С.М. Широкогоров, евразиец Дж. Вернадский, а также известный этносоциолог и историк Л.Н. Гумилев, его ученик и сподвижник К.П. Иванов. До сих пор продолжают дискуссии по поводу понятия «этнос» и происхождения этого явления. Одни утверждают, что этнос — это особый, исторически возникающий тип социальной группы, которая развивается «как бы естественно-историческим путем» [5. С. 11]. Другие придерживаются иной концепции: этнос — это явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специфическое назначение в строении биосферы Земли [6. С.24]. Последний тезис принадлежит Л.Н. Гумилеву, и мы разделяем его взгляды.

Этнос является верхним, завершающим звеном биоценоза того региона, который он населяет. Именно через этнические коллективы осуществляется связь человека с природной средой. Человек не только приспосабливается к ландшафту, но и путем труда приспосабливает ландшафт к своим нуждам и потребностям.

На первых фазах этногенеза этнос всеми силами пытается «встроиться» в границы своего биохора, в свою экологическую нишу, и делает он это путем строго определенных видов труда, благодаря которым он способен воспроизводить сам себя на данной территории, удачно используя ее природные ресурсы. Профессиональная деятельность выступает как бы опосредующим звеном между ландшафтом и психологией этноса. Профессиональные ориентации и мотивации детерминируются фактами этнической психологии и влияют на самобытность типов хозяйствования. Профессиональные пристрастия передаются из поколения в поколение и имеют соответствия в этнической психологии в форме иерархической модели профессиональной престижности.

Можно предположить, что любой этнос «разумен» в выборе профессиональных занятий на отдельных фазах своего развития. В начале этногенеза, как мы показали выше, для того чтобы выжить, этнос выбирает определенные занятия, которым люди позже присвоили статус «традиционных». Затем социум усложняется, создаются искусственные техногенные ландшафты, меняется экология социальной среды, развиваются новые инфраструктуры, и для того, чтобы поддержать гомеостаз в изменившейся социосфере и биосфере, этнос опять-таки должен быть «разумным» и выбрать новые виды труда, которые люди называют «современными».

Обратимся к *сравнительно-историческому анализу* по Республике Саха (Якутия). Согласно Переписи населения Российской империи 1897 г., 80% якутов, проживающих тогда в Якутской области, относились к сословию «кочевых инородцев» и занимались скотоводством, охотничьими промыслами, рыболовством, кустарным производством (в основном ювелирным делом). 5—6% якутов, которых идентифицировали с «оседлыми инородцами», посвящали себя земледелию.

Что касается оставшихся 12—15% якутов, то они поселились в городах Якутии и относились к сословиям либо мещан, либо разночинцев. Перепись населения 1897 г. фиксирует, что среди саха были единицы чиновников, врачей, литераторов, купцов (буквально 2—3 человека в каждой профессиональной подгруппе), но насчитывалось много учителей.

Коренные изменения произошли в социально-профессиональной структуре населения саха за время становления и закрепления Советской власти в Якутии. Буквально с нуля началось создание рабочего класса социалистической республики, и нельзя не отметить, что в некоторых отраслях материального производства успешно работали саха, тем самым принимая заметное участие в становлении главного класса советского общества. Так, например, по замечаниям якутских социологов, и прежде всего И.А. Аргунова, саха стали устраиваться на работу в такие отрасли, как полиграфия, электроэнергетика, швейное производство, деревообработка, обработка ювелирных изделий. Появилось такое явление, как массовая профессиональная миграция населения (в основном из села — в город), что было не характерно для дореволюционной Якутии.

С первых же дней Советской власти был сделан упор на обучение молодежи, приобретение высшего образования. Гуманитарная интеллигенция из числа местного населения, представленная фельдшерами, врачами, культпросветработниками, учителями и др., выросла достаточно быстро. Да и на селе происходили существенные изменения: процесс коллективизации сельского населения ЯАССР сопровождался планомерным и массовым созданием поселков, появились новые социальные группы и страты на селе, то есть взаимосвязь этнического и социального статусов также изменилась.

Аргунов отмечает, что в становлении качественно новой для якутских трудящихся социально-профессиональной структуры прослеживаются два этапа. В переходный период (1926—1979 гг.) основное внимание уделялось подготовке из числа коренного населения кадров массовых профессий физического труда. Так, если в 1926 г. квалифицированным физическим трудом занималось 0,66% якутов, то в 1979 г. было достигнуто почти 20-кратное увеличение группы занятых квалифицированным физическим трудом. С конца 70-х гг. XX в. начался второй этап: подготовка кадров, способных освоить достижения научно-технического прогресса. В 1979 г. наблюдался почти 9-кратный прирост доли работников высокой квалификации, связанных с работой механизмов [2. С. 17—18].

В 1997 г. И.И. Подойницына осуществила масштабный опрос ведущих промышленных предприятий столицы республики, тенденции подтвердились: действительно, доля саха и русских на предприятиях деревообрабатывающей, полиграфической и швейной промышленности фактически равна, но изменился качественный состав специалистов и рабочих: освоены смежные профессии, приобретены более высокие разряды и др. Опрос зафиксировал, что в новой отрасли труда, которая появилась в РС (Я) после перестройки — в цветной металлургии или алмазобработке, на ее ведущем предприятии, ОАО «Туймаада Даймонд», трудится 66,3% саха и 30,2% русских [10. С. 122]. Это, пожалуй, один из удачных приме-

ров того, как древнейшее ремесло, ювелирное дело, обогатилось новыми технологиями обработки, когда этническое и современное технологическое объединились в одно целое, дав возможность саха проявить свой художественный вкус и креативность мышления.

5—10 октября 2011 г. в 16 районах РС (Я) проводился демокопический опрос по научному проекту «Форсайт Республики Саха (Якутия)» (1982 опрошенных), руководителем социологического исследования являлся автор этих строк. В анкете был задан вопрос: «В какой сфере труда вы заняты?», а также «были заняты ваши родители и будут заняты ваши взрослые дети». Данный вопрос ставил своей задачей выявить связь поколений в плане профессионального выбора. Опрашивались только представители народа саха и коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Была рассчитана многоступенчатая типологическая квотная пропорциональная стратификационная выборка. Применение данного типа выборки позволяет говорить о валидности полученных эмпирических данных.

Итак, проследим связь поколений по линиям «родители сегодняшних респондентов — сами респонденты — взрослые дети респондентов». Стоит принять во внимание важный момент: на профессиональный выбор респондента могут повлиять (или не повлиять) родители и старшие родственники, друзья и знакомые, пропаганда СМИ, общественное мнение, особенности окружающей социальной среды и др., в том числе и культурные стереотипы по поводу престижности—непрестижности тех или иных видов труда — и все это вместе формирует этнокультурную модель профессиональной престижности и влияет на этнокультурное разделение труда.

Опрос зафиксировал: 5,1% родителей респондентов были заняты в сфере промышленности; 11,6% самих респондентов посвящают себя сегодня индустриальному труду, и примерно такое же количество, 10,8%, взрослых детей собираются выбрать профессию в этой сфере. Интерес к промышленному труду при переходе к современному (индустриальному) обществу увеличился в 2 раза и, видимо, будет сохраняться. В традиционной для народа саха сфере сельского хозяйства было занято 37,1% родителей респондентов; ныне занято 5,8% саха и их дети не будут отставать от родителей (6,8%), не повторяя при этом выбор дедушек и бабушек.

Что касается занятий в сфере транспорта и связи, здесь не прослеживается особых различий между поколениями (7,2% — 7,6% — 11,3% соответственно). Повышенный интерес молодежи саха к этой сфере объясняется появлением новых видов коммуникаций, таких как Интернет, кабельное и цифровое телевидение и др., их высокой востребованностью в обществе. К новым видам труда относятся также информационно-вычислительное обслуживание (такие престижные специальности, как сайтостроитель, веб-дизайнер и др.). Понятно, что родители респондентов достаточно редко обращались к этому виду труда (0,6%), сами респонденты — несколько чаще (1,6%), а взрослые дети хотят идти в ногу со временем и планируют работать в популярной сфере (4,6%).

Наибольший разрыв между бабушками—дедушками, мамами—папами и детьми видим в плане приобретения профессии финансиста, экономиста, нало-

гового инспектора. Так, если в сфере финансов, кредита и страхования работало всего 3,1% родителей и 2,8% самих респондентов, то дети уже в 6 раз чаще хотят трудиться в этой сфере, считая ее одной из самых престижных и высокооплачиваемых (12,6%).

Занятость саха в органах управления повысилась после перестройки: в данных органах работало 4,7% родителей респондентов; 9,8% самих респондентов, но у детей наблюдаем понижение интереса к профессии госслужащего и чиновника (6,8%). Почти не видно различий (понижения—повышения пропорций выборов между поколениями) в занятиях саха такими видами труда, как строительство (4,7% — 2,9% — 6,1%), торговля и общественное питание (7,6% — 5,0% — 9,6%), здравоохранение (10,2% — 8,5% — 13,5%), культура (5,2% — 3,7% — 6,4%), ЖКХ (4,3% — 2,8% — 4,1%). Назовем это средней и даже низкой степенью участия, которая между тем устойчиво воспроизводится.

Занятия традиционными промыслами (охота, рыболовство), животноводством и оленеводством идет резко на спад. И если родители наших респондентов редко, но все же занимались этими исконно северными видами труда (4,3% и 6,0% соответственно), то их внуки уже почти забыли занятия предков (1,7% и 1,3%), а правнуки будут считать оленевода экзотическим пришельцем из прошлого, персонажем народного эпоса.

Итак, единственный вид труда, который передается из поколения в поколение, сохраняет вполне определенную нишу в социально-профессиональной структуре общества — это работа в сфере образования, учительство (20,6% — 20,2% — 26,8%). Каждый пятый саха — это учитель, и молодежь также выбирает эту профессию. Об учительских династиях саха написано немало книг, из учителей саха вышло немало государственных деятелей.

Приведем здесь данные комплексных междисциплинарных социологических, социально-психологических и психологических исследований молодежи Республики Саха (Якутия), проведенных новосибирскими учеными в 2006—2010 гг. по нескольким научным проектам. По техническим профессиям в вузах РС (Я) в начале нового века обучаются достаточно многочисленные группы русских и саха. 40% из обучающихся саха планируют далее работать в промышленности, и такое же количество русских собираются это сделать [1. С. 135]. При этом степень адаптированности саха в сфере промышленного труда выше, чем русских, 42 и 35% соответственно. Получается, что работа на промышленных предприятиях для молодежи саха, получившей соответствующее образование, весьма привлекательна, а для русских в целом — не очень. Русских «технарей» больше интересует работа в бизнесе, банковских структурах, органах власти.

Выше в данной статье мы цитировали исследователей, которые рассуждали о слабой социальной адаптации саха к новым видам труда, к которым часто относятся все занятия, не связанные с сельским хозяйством. Позволим себе не соглашаться с этими умозаключениями. Возьмем, к примеру, Интернет как один из ярких примеров информатизации общества. Какими темпами проходит информатизация одной из самых отдаленных и труднодоступных по транспортной схеме республик России? В Якутии, как и в России в целом, определены главнейшие

направления информатизации, к которым относится необходимость обеспечения равного доступа граждан и организаций РС (Я) к современным технологиям через сокращение технологического разрыва между регионами и цифрового неравенства.

В 2005 г. социологи Государственного национального агентства Информационный центр при Президенте РС (Я) провели исследование процессов информатизации в РС (Я). Анкетирование проводилось в 35 улусах республики, с 13 по 25 мая 2005 г., в выборку попало 10 673 человека. Одна из задач исследования предполагала выявление наиболее важных направлений развития информационных технологий в республике. Выяснилось, что более 40% опрошенных считали приоритетными направлениями компьютеризацию объектов образования и здравоохранения. В ходе исследования перед респондентами был поставлен вопрос: «Имеете ли Вы доступ в Интернет?». Оказалось, что только 24% опрошенных имели в 2005 г. доступ в сеть Интернет. Стоит отметить, что по данным ВЦИОМ, в России в целом доступом в глобальные сети в это же время пользовались 17%, — это значит, еще в 2005 г. отдаленная Якутия опережала многие российские регионы (кроме Москвы и Санкт-Петербурга). Кстати, в Дальневосточном федеральном округе доля имеющих доступ в Интернет была равна 16% [4].

Обратимся к результатам исследования «Форсайт Республики Саха (Якутия)». За шесть лет, с 2005 по 2011 г., в республике произошли существенные сдвиги в плане информатизации. Интернет продвинулся в самые отдаленные уголки Якутии. Так, если в 2005 г. в Абыйском районе Якутии Интернетом пользовались 13,8% граждан, то в 2011 г. их число увеличилось до 51,7% (то есть в 3,7 раза); в одном из самых северных, Верхнеколымском районе, в 2005 г. насчитывалось 27,0% пользователей Интернета, а к 2011 г. эта цифра достигла рекордной планки — 61,1% (увеличилась почти в 3 раза); в промышленном Мирнинском районе еще в 2005 г. пользователей социальными сетями было немало — 32,9%, а к 2011 г. эта цифра возросла вдвое и достигла рубежа в 68,1% и др. Процесс информатизации республики идет продвинутыми темпами. И данный рост характерен не только для промышленных районов, но и для арктических, в которых проживает большое количество представителей малочисленных народов Севера (КМНС), и для моно-якутских, сельских по типу расселения районов.

Поставим вопрос таким образом: какие факторы (переменные) могут повлиять на приобщенность индивида к процессу информатизации, к вступлению в так называемое информационное общество. Гипотетически можно предположить, что на погружение в «мир компьютеров» влияет возраст, образовательный ценз, приобретенная профессия. Проверим рабочие гипотезы. Построим двумерные таблицы, в которых проследим взаимосвязь двух переменных: возрастная генерация (двадцатилетние, тридцатилетние, сорокалетние и др.) и варианты включенности в информационное пространство. Первая переменная измерена на интервальном уровне, вторая — на номинальном. Чтение таблиц показало, что тесной статистической связи между двумя переменными не прослеживается. К такому же выводу можно прийти, изучив таблицу корреляции. Коэффициент корреляции Пирсона, r равен 0,321 при уровне значимости 0,01 (двусторонняя область). Теснота связи — слабая. Для Республики Саха (Якутия), так же как и для центральных регионов

России, человек с ноутбуком, погруженный в решение деловых проблем и с этой целью использующий те или иные компьютерные программы, в возрасте 40, 50, 60 лет — явно не редкость, не говоря уже, конечно, о более молодом возрасте.

Построим двумерные таблицы, в которых скрестим две переменные: образовательный ценз (порядковая шкала) и включенность в информационное общество (номинальная шкала). Сравним: 67,1% ответивших с высшим образованием, 71,3% респондентов с незаконченным высшим образованием пользуются компьютером как уверенные пользователи. Иная картина среди респондентов со средне-специальным образованием. Только 49% из данной образовательной страты отметили, что являются уверенными пользователями ПК. Как видим, разница в ответах составляет 30 п.п. У респондентов, которые закончили среднюю общеобразовательную школу, пользователей ПК — наименьшее количество по выборке, всего 41,4%. Таблица корреляции показала, что коэффициент корреляции Пирсона, r равен 0,356 при уровне значимости 0,01 (двусторонняя область). Подобную тесноту связи уже можно трактовать как умеренную. Уровень образования оказывает прямое влияние на приобретение индивидом информационной грамотности.

Построение двумерных таблиц, в которых по горизонтали располагаются различные виды труда (номинальная шкала), а по вертикали — варианты включенности в информационное общество (номинальная шкала), позволило прийти к неожиданному, на первый взгляд, выводу. Оказывается, число продвинутых работников в каждой сфере примерно одинаково. Сравним: 68,2% инженеров заявили, что они являются уверенными пользователями ПК; и далее укажем по возрастающей — таковыми считают себя 71,1% госслужащих; 80,6% работников информационно-вычислительной сферы; 82% полицейских; 85,7% ученых; 86,3% финансистов, банкиров и др.

Мы видим, что банковские служащие, работники финансов и кредита в наибольшей степени используют информационные технологии. И это выражается не только в том, что они применяют компьютеры и Интернет в процессе труда, это и банкинг на мобильном телефоне, различные виды кредитных карт, виртуализация процессов кредитования, взаиморасчетов с клиентами и др. Недаром петербургский социолог, автор теории глэм-капитализма Д.В. Иванов написал, что сфера финансов и кредита в современной России уже живет по законам постиндустриального социума [7. С. 42—43]. Данные процессы вполне наблюдаемы и в современной Якутии.

Впрочем, согласно исследованию «Форсайт РС (Я)», уверенные пользователи ПК имеются и в других сферах приложения труда: транспорт и связь, строительство, торговля и общественное питание, здравоохранение, образование, культура и искусство, жилищно-коммунальное хозяйство и даже сельское хозяйство (от 62 до 55% ответов внутри каждой профессиональной страты). Самая низкая степень вовлеченности в информационное пространство прослеживается у работников традиционных промыслов (35,0%) и безработных (28,9%). Коэффициент корреляции Пирсона, r равен 0,148 при уровне значимости 0,01 (двусторонняя область). Мизерное значение коэффициента говорит об отсутствии связи между переменными.

Но стоит ли торопиться делать вывод о том, что информационные технологии, Интернет с одинаковой степенью настойчивости проникают во все виды труда в РС (Я)?! Ведь тогда получается, что и в конторе ЖКХ, и в обычном продуктовом магазине сидят такие же информационно подкованные специалисты, что и в банке. Но вряд ли картина столь благостна. Скорее мы имеем дело с так называемой ложной корреляцией или с наличием некоей латентной переменной, которая влияет на достаточно высокие цифры ответов представителей многих отраслей труда в РС (Я).

В процессе исследования возникла необходимость построить сложные зависимые таблицы и обратиться к множественной корреляции, дабы изучить взаимосвязь трех переменных: образования, сферы приложения труда и степени включенности в информационное пространство. Чтение таблиц продемонстрировало: 60—70% *специалистов с высшим образованием* в таких отраслях, как промышленность, сельское хозяйство, транспорт и коммуникации, строительство, торговля, информационно-вычислительное обслуживание, здравоохранение, образование, культура и искусство, наука, финансы, аппарат органов управления, пользуются компьютером как уверенные пользователи. Ситуация «зашкаливает» в следующих сферах: финансы и кредит (здесь 90% пользователей), информационно-вычислительное обслуживание (84%), промышленность (77%), строительство (76%). Интересно, что из числа безработных с высшим образованием 30% постоянно пользуются компьютером (возможно, это «скрытые» фрилансеры, использующие ПК для осуществления каких-либо виртуальных проектов, интеллектуальных подработок).

В страте *специалистов со средне-специальным образованием* картина меняется существенно. Во-первых, в целом уменьшается число активных пользователей — цифра не поднимается выше планки в 60%. Во-вторых, число сфер труда, в которых работают информационно грамотные специалисты со средне-специальным образованием, также сокращается: остаются — сфера промышленности, транспорт и коммуникации, аппарат органов управления и сфера здравоохранения. Что же касается работников, пришедших в деловую сферу сразу после школы, то среди них также имеется прослойка пользователей ПК (40—50%), и это в таких сферах, как промышленность, транспорт и коммуникации и образовательная сфера. 26% безработных со средним образованием обращаются к компьютеру.

Второй важнейший эмпирический индикатор, фиксирующий приобщенность индивида к современным информационным технологиям, — это использование Интернета в процессе работы и для нужд производственного процесса. Обратим внимание прежде всего на *специалистов с высшим образованием*: руководителей предприятия, начальников среднего звена (заведующих отделами, лабораториями и др.), специалистов различных категорий. Интернетом на рабочем месте пользуются от 75 до 55% работников с ВО в сферах промышленности, транспорта и связи, строительства, торговли, информационно-вычислительного обслуживания, медицины, образования, финансов и кредита и др. Здесь самыми продвинутыми являются, как и следовало ожидать, работники информационно-вычислительной сферы.

При переходе к страте *специалистов со средне-специальным образованием*, как и в случае уверенных пользователей ПК, «планка вовлеченности» резко снижается до 40% и число участников процесса информатизации также становится меньше. Итак, примерно 40% работников промышленности со средне-специальным образованием, транспорта и связи с таким же образовательным цензом и сотрудников образовательных учреждений используют Интернет на работе. Что касается других областей, то цифры там настолько мизерны, что не имеет смысла их приводить. Такое же мизерное количество респондентов, окончивших среднюю школу, используют Интернет на рабочем месте.

И, наконец, проанализируем третий вариант стыковки трех переменных, отраженный в сложных зависимых таблицах. Интересно, влияет ли образовательный ценз и одновременно приобретенный социально-профессиональный статус на приобщенность к глобальным информационным сетям в быту, в домашней обстановке? Здесь зависимость примерно такая же, как и в двух вышеприведенных примерах. Респонденты с высшим образованием наиболее активны, и прежде всего работники промышленных предприятий (70%), строительства (70%), торговли и общественного питания (69%), аппарата органов управления (63%), транспорта и связи (52%). Лидируют даже в быту служащие банков, работники налоговых инспекций и финансовых организаций (82%). Работники со средне-специальным образованием менее активны, что видно в понижении степени обращения к Интернету в домашней обстановке почти на 15—20 п.п. Рабочие со средним образованием и в быту к компьютерам обращаются редко.

Обобщая анализ двумерных и трехмерных корреляционных матриц, мы можем констатировать, что в Республике Саха (Якутия) можно выделить по крайней мере три сферы труда, в которых к информационным технологиям приобщаются работники различных категорий, начиная от высокообразованного начальства и заканчивая представителями рабочего класса со средне-специальным и средним образованием. Речь идет о *промышленном производстве, сфере транспорта и коммуникаций и образовательной сфере*. Стоит упомянуть еще две сферы — *финансы и кредит и информационно-вычислительное обслуживание*, в которых задействованы высокообразованные специалисты, и степень их приобщенности к информационным технологиям самая высокая в страте людей с высшим образованием. Не будет преувеличением, если мы сделаем вывод: именно эти пять сфер составят костяк, основу будущего информационного постиндустриального общества.

За последние 10 лет в РС (Я) произошел «прорыв» в информационный социум: Интернет, кабельное, цифровое телевидение распространились по всей республике, вплоть до берегов Северного Ледовитого океана, резко увеличилось число домашних пользователей Интернета, глобальные сети стали верным помощником производственного процесса, информационные технологии активно используются в образовательном процессе, причем не только в институтах, но и в средней школе, уже никого не удивит, что члены Правительства РС (Я) общаются со своими оппонентами и избирателями в «Твиттере» и др. В данном случае мы перечислили основные составляющие так называемого «индекса информационного общества» (ИО) [15] — согласно данным опроса, эти составляющие уже «работают».

Подводя итоги исследования в целом, мы можем сказать, что у народа саха существует по крайней мере *четыре модели профессиональной престижности*. Первая — традиционная — модель профессиональной престижности была характерна для дореволюционной Якутии, в ее основе занятия сельскохозяйственным трудом (им занимались 80% населения). Данная модель сохранялась и в первые годы Советской власти. Переходная модель, в которой уже появляются такие виды труда, как промышленность, транспорт, строительство и др., но сохраняет свое ведущее положение сельское хозяйство (37—40% занятых от экономически активного населения саха) — это модель, которой придерживались родители сегодняшних респондентов, трудовая жизнь которых прошла в основном в социалистической Якутии. Республика создавала промышленный рабочий класс, массовую интеллигенцию, колхозное крестьянство, и представители народа саха медленно, но все же адаптировались в новой системе координат, строя индустриально-аграрное общество.

Третья модель профессиональной престижности — эта система ментальных представлений о профессиональном выборе, в которой достаточно гармонично развиты как виды гуманитарного, так и технического труда, она соответствует определенному этапу развития индустриального общества. Ее вполне можно назвать индустриальной. Модель характерна для сегодняшнего социума Республики Саха (Якутия): это занятия промышленными видами труда (10—15% самодельных саха), предоставление образовательных услуг (20—25%), работа в сфере органов управления (10—12%), здравоохранения (10%), сельского хозяйства (5—6%), традиционных промыслах (1—2%). Для модели характерен также «прорыв» в информационное пространство, компьютеризация промышленности, сферы транспорта и связи, системы образования, сферы финансов и кредита и развитие информационно-вычислительного обслуживания общества.

И четвертая модель профессиональной престижности — это образ жизни молодых саха, она только формируется и закрепляется, ее атрибутами являются новые технологии. В начале XXI в. молодежь саха проявляет высокую степень адаптации к новым видам труда, мобильность, жизненную активность. Пять отраслей, выделенных нами выше, получают ускоренное развитие в будущем и составят костяк постиндустриального социума.

Мы наблюдаем парадоксальную картину: саха, которых многие исследователи упрекали в невозможности заниматься промышленными видами труда, в слабой социальной адаптации, на самом деле весьма успешно продвигаются по индустриальному пути. Но при этом утрачивается связь этноса с кормящим ландшафтом, нарушена преемственность этнокультурной информации в профессиональном плане. И сегодня можно выдвинуть тезис о том, что под угрозой устойчивости этнодемографического развития достаточно крупного народа Севера — саха. Значит, необходимо, пока не поздно, вносить коррективы в модель профессиональной престижности молодежи саха, за которой — будущее развитие республики, но это тема уже другого научного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. — Новосибирск: Нонпарель, 2011.
- [2] *Аргунов И.А.* Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР. — Якутск: Якутское книжное издательство, 1988.
- [3] *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. — М.: Аспект Пресс, 1998.
- [4] *Бравин А.Д.* Информационное общество в Республике Саха (Якутии): новые технологии / Якутский социологический бюллетень. — Якутск, 2006. — Вып. 1. — С. 115—124.
- [5] *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. — М.: Изд-во «Наука», 1987.
- [6] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1990.
- [7] *Иванов Д.В.* Глэм-капитализм. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.
- [8] *Игнатьева В.Б.* Национальный состав населения Якутии. Этно-статистическое исследование. — Якутск: Якутский Научный центр СО РАН, 1994.
- [9] *Подойницына И.И.* Этнос в профессиональной структуре общества (к постановке вопроса) // Этнос: традиции и современность. — Якутск: Изд-во Научного Центра СО РАН, 1994. — С. 61—67; *Подойницына И.И.* Этнокультурные стереотипы трудового поведения в сфере производства. — Новосибирск, 1995.
- [10] *Подойницына И.И.* Общество открытых классов. Очерки о моделях социальной структуры. — Новосибирск: Изд-во «Наука», 1999.
- [11] *Anderson D.G.* Turning Hunters into Herders: a critical Examination of Soviet Development Policy among the Evenki of Southeastern Siberia // *Arctic*. — Vol. 44. — No. 1.
- [12] *Justin Yifu Lin.* Industrialization s second golden age // *China Daily*. Monday. December 26, 2011.
- [13] *Leslie D.* Soviet Asia Economical development and National Policy Choices. — Boulder, L., 1987.
- [14] *Vitebsky P.* Centralized Decentralization: the Ethnografy of Remote Reindeer Herders under Perestroika // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*. — XXXI, 1990.
- [15] URL: www.kimmsh.ru/dopolnit_mat/index_informat_obshestva/index.html

PROFESSIONAL TRADES OF THE SAKHA PEOPLE AND THE «BREAKTHROUGH» INTO INFORMATION SOCIETY

I.I. Podoymitsina

Chair of sociology and personnel management
Financial Economic Institute
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Lenin ave., 1, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutiya), Russia, 677000

In this article the author deals with the concept of ethnic-cultural division of labor in terms of theory and methodology, with references to the ethnos theory of L.N. Gumilev. The ethnic-cultural division of labor is also considered from the point of view of historical and sociological approaches, with the analysis of the data collected in a big sociological survey in 16 regions of the Republic of Sakha (Yakutiya), conducted in October, 2011. The author describes the swift process of introducing information technologies in the republic.

Key words: social adaptation; homeostasis; information society; prestige; division of labor; traditional society; an ethnic group; ethnogenesis.